

ЭТНОФОЛИЗМЫ И ГРАНИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается проблема аксиологической коннотации вторичных этнонимов. Обосновывается, что этнофолизмы представляют собой не только лингвистическое, но и социокультурное явление, исследование которого предполагает предметное философское осмысление. Отмечается, что в условиях интенсивного миграционного процесса и глобальной нестабильности возможность выявить и предупредить всплеск этнокультурного напряжения или потенциальную конфликтную ситуацию обретает особую значимость. Выявляется сущность этнофолизмов, фиксируются их разнородность и функциональные особенности. Разводятся понятия «экзоэтноним» и «эндоэтноним» («автоэтноним»), подчеркивается корреляция самонаименования этнической общности с авто- и гетеростереотипами. Доказывается, что использование этнофолизмов является своеобразным индикатором межэтнической напряженности.

Ключевые слова: этнофолизм; толерантность; этничность; расизм; этнофобия; этническая дискриминация; этническая идентичность; этнический стереотип.

ETHNOFOLISM AND FACETS OF ETHNIC TOLERANCE

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the problem of the axiological connotation of secondary ethnonyms. It is argued that ethnopholisms are not only a linguistic phenomenon, but also a sociocultural one, and their study requires a philosophical approach. The article emphasises that in the context of intense migration processes and global instability, it is crucial to identify and prevent the escalation of ethnocultural tensions or potential conflicts. The article explores the essence of ethnopholisms, highlighting their diversity and functional characteristics. The concepts of exoethnonym and endoethnonym (autoethnonym) are distinguished, and the correlation between the self-designation of an ethnic community and auto- and heterostereotypes are emphasised. It is proven that the use of ethnopholisms is a peculiar indicator of interethnic tension.

Keywords: ethnofolism; tolerance; ethnicity; racism; ethnophobia; ethnic discrimination; ethnic identity; ethnic stereotype.

В период социокультурных вызовов и геополитической нестабильности особую актуальность приобретают исследования, направленные на изучение этнокультурного взаимодействия и сохранение взаи-

моуважительных отношений в рамках межэтнического диалога. Усилившийся миграционный процесс, тенденция к универсализации и одновременно антиглобализационные тренды в социальной динамике

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Этнофолизмы и грани этнической толерантности. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;3:12–16.
EDN: BELIRE

For citation:

Kurbacheva OV. Ethnofolism and facets of ethnic tolerance. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2025;3:12–16. Russian.
EDN: BELIRE

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

не просто актуализируют тему этнокультурного диалога, но и определяют ее как максимально востребованную проблематику как для научных изучений, так и для повседневной практики. Одним из показателей уровня этнокультурной напряженности в рамках межэтнического взаимодействия выступает использование этнически маркированной лексики – этнофолизмов. Что представляют собой этнофолизмы как таковые, какие угрозы для межкультурной интеракции связаны с ними, могут ли они отражать уровень этнокультурной идентичности – эти и другие вопросы легли в основу данной работы.

В первую очередь следует отметить, что осмысление природы и функций этнофолизмов предполагает междисциплинарный характер исследования. Системное изучение культурно- или этнически маркированной лексики не исчерпывается обращением лишь к этнолингвистике или лингвокультурологии. Глубокий, всесторонний анализ подразумевает выявление глубинных связей, причин и закономерностей обращения к этнофолизмам и их использования в языковой практике. И так как язык непосредственно отражается в культуре, стереотипах, особенностях интеракции наций и их самонаименования, а сами этнофолизмы могут выступать индикатором этнокультурной идентичности, межэтнической напряженности, то следует акцентировать внимание на том, что в нашем понимании этнофолизм представляет собой не столько лингвистическое, сколько социокультурное явление и поэтому предполагает комплексное и предметное философское осмысление.

Далее необходимо очертить категориальный остов самого понятия. Как понятие этнофолизм конструируется на основе греческого языка (греч. *ethnos* – народ, племя и *phalos* – дурной, ничтожный) и представляет собой вторичный этноним, для которого характерен экспрессивный оценочный и неофициальный характер [1, p. 19]. Чаще всего этнофолизмы относятся к пейоративной лексике, т. е. к лексике, имеющей негативную аксиологическую коннотацию. В качестве примеров из повседневной языковой практики можно привести такие этнофолизмы, как бульбаш, москаль, хохол, пшек, жид, лягушатник и др. При более предметном осмыслении мы сталкиваемся с рядом вопросов, решение которых возможно лишь тогда, когда мы преодолеем соблазн упрощенной редукции. Всегда ли этнофолизм выступает индикатором нетерпимости? Может ли этническая инвектива не быть заложником негативной коннотации? Каковы причины обращения к этнофолизмам и как они связаны с глубинным диалектическим противостоянием своих и чужих?

Сам термин «этнофолизм» появился в середине XX в. в пространстве научного тезауруса западной социолингвистики. Исследователь А. А. Робак впервые использовал слово «этнофолизм» (англ. *ethnophaulisms*) для фиксации уничижительного указания на

иностранцев (англ. *foreign disparaging allusions*), вместе с тем он акцентировал внимание на том, что в качестве этнофолизма могут выступать также слова или словосочетания, которые не являются этнонимами, но косвенно соотносятся с признаками этничности (например, употребление слова «швейцар» в значении сторожа) [1, p. 75]. В дальнейшем термин закрепился в академическом категориальном аппарате и стал широко использоваться для наименования экспрессивного прозвищного этнонима с инвективной установкой. Стоит отметить, что для категоризации этнически маркированной лексики с явно негативной коннотацией, относящейся к пейоративной лексике, часто применяют и другие наименования (эктроним (Э. Эриксон), этнодисфемизм, пейоративный этноним, этническая кличка и др.), которые могут отличаться локальными аспектами, но так или иначе относятся к дискурсу этнофобии [2, с. 98]. В данной работе будет использоваться общее понятие «этнофолизм», отражающее ключевые аксиологические коннотации вторичных этнонимов и отличающееся своим экспрессивным, эмотивным и инвективным характером, а также деструктивной интенцией. Среди западных и современных русскоязычных исследователей, объектом осмысления которых выступал этнофолизм, можно выделить Э. Эриксона, С. Джонсона, П. Мейла, А. А. Робака, А. М. Верховского, Г. В. Кожевникова, Э. Д. Понарина, В. А. Тишкова, А. А. Леонтьева, С. В. Свирковскую и др. [3, с. 72]. Однако эти исследователи преимущественно охватывают пространство научной мысли социологии, психологии, лингвистики, прослеживается очевидный дефицит в предметном философском осмыслении самой сущности и особенностей этнофолизмов, относящихся по своей природе к языку вражды.

Важно учитывать, что этнофолизмы разнородны по своей природе, они могут быть дифференцированы по нескольким критериям. Например, можно зафиксировать различные типы этнофолизмов, ориентируясь на субъективно-смысловую природу их возникновения. Выделяют визуальные (хохол или цацап), аудиальные (пшек) и социальные (москаль, литвин) этнофолизмы [4, с. 182]. Исходя из критерия ареала распространения и использования этнофолизмов, можно говорить о международных этнофолизмах, которые известны по всему миру (например, янки или гринго); региональных этнофолизмах, которые локализуются в пределах какого-либо региона (например, во Франции распространено этнически маркированное наименование британцев *rosbif*); внутрирегиональных и локальных этнофолизмах (например, полешуки – экзоэтноним жителей Полесья). Встречаются также экспрессивные этнонимы, в которых отражены антропологические, гастрономические или религиозные аспекты (негры и узкоглазые, лягушатники и макаронники, мавры и вахабиты и др.). В силу новизны данного проблемного

поля и исключительной семантической вариативности до сих пор отсутствует единая типологизация или классификация этнофолизмов. Однако очевидно, что при всем сходстве своей первичной сущности данные вариации отличаются не только по природе возникновения, но и по степени экспрессивности и акцентированности своего негативного оценочного характера.

Вторичность и семантическое разнообразие этнофолизмов обусловлены тем, что конструирование и использование в речевой практике этнически маркированной лексики напрямую связаны с этническими стереотипами. В связи с этим механизмы включения этнофолизмов в систему собственной когнитивной атрибуции могут быть разнообразными, но чаще всего в качестве такого механизма выступает опосредованный присваивающий опыт (человек неосознанно использует предвзятые искаженные стереотипные образы самой этнической общности). По своей сути этнофолизм представляет собой символическое кодирование сообщения на основе стереотипной информации о носителях этнической группы. В то же время важно обратить внимание на то, что с течением времени эта символизация может обрести автономию от самой группы, в которую она была вторично идентифицирована через этнофолизм. Примером может служить понятие «варвар», которое изначально обозначало людей негреческого происхождения, а в последствии стало символизировать невежественность и грубость в целом, без этнической локализации. В этом контексте можно говорить об автономизации этнических символов, в рамках которой определения первичных или, как в приведенном выше примере, вторичных этнонимов расширяются, первоначальная коннотация стирается и формируются новые автономные смыслы (сюда же можно отнести пример со швейцаром).

При осмыслении сущности и природы этнофолизмов стоит разграничивать самонаименование (эндоэтноним или автоэтноним) народа и внешнюю этническую коннотацию (экзоэтноним). Чем же важно это разграничение? Во-первых, самонаименование или номинация другой группы – важнейший элемент идентификации этнической группы. Символическая общность любой группы подтверждается и фиксируется в том числе через самонаименование и признание другими субъектами. И это признание или, соответственно, непризнание этнической общности со стороны других субъектов можно обозначить только через наличие самого наименования. Во-вторых, этнофолизм, как вторичный этноним, представляет собой хотя и искаженное стереотипное экспрессивное оценочное, но тем не менее наименование, относящееся к какой-либо этнической группе, т. е. в этнофолизме, как и в классическом этнониме, отражена его непосред-

ственная корреляция с этнокультурной группой. В связи с этим через автоэтноним, представляющий собой самонаименование этнической общности, можно выявить особенности этнокультурной самоидентичности общности. В самонаименовании могут отражаться автостереотипы и самое важное – форма этнокультурной идентичности. В зависимости от того, какая форма идентичности свойственна для этнической группы (например, завышенная либо литотизированная), в самонаименовании будут проявляться положительная или негативная оценочная установка по отношению к своей общности, самоирония или самокритика. Например, самонаименование «литвины» использовалось ранее белорусами как отсылка к Великому княжеству Литовскому и демонстрировало высокую степень развития их исторического самосознания, а также значимость исторических событий для народа, что напрямую свидетельствовало о высокой степени его этноцентризма. С другой стороны, этнофолизм «бульбаш», который может применяться и в качестве эндоэтнонима, и в качестве экзоэтнонима, имеет уже экспрессивную оценочную коннотацию, которую нельзя декодировать однозначно как положительную, так как в самом этнофолизме представлены явно стереотипные, упрощенные представления и завуалированная инвективная установка. В то же время стоит отметить, что внешняя категоризация и использование этнофолизмов всегда очень показательны. Во-первых, через наименование устанавливается разграничение *свой – чужой*. Экзоэтноним не просто отражает, он фиксирует, закрепляет инаковость формально и содержательно, тем самым косвенно усиливая внутригрупповой фаворитизм.

Во-вторых, использование этнофолизмов в языковой практике является непосредственным маркером напряженности в этнокультурном взаимодействии, толерантного (интолерантного) отношения одной этнической общности к другой. В то же время напряженность по отношению к иной этнической группе может проявляться в латентной, скрытой форме. Не обязательно использование этнофолизмов в повседневной речевой практике какой-либо группы является прямым отражением конфликтных взаимоотношений. Как известно, важным этапом этнического конфликта является предконфликтная стадия, для которой свойственны отсутствие осознанного соперничества, демонизации *Другого* и противостояние иной группе, но при этом данная стадия символизирует собой латентный конфликт стереотипов и интересов [5, с. 121]. Отсутствие реального противостояния обманчиво создает иллюзию управляемости и простоты этой стадии. Однако ее важность заключается в том, что именно на данной стадии можно выявить потенциальную эскалацию реального этнического конфликта, проанализировать риски и возможные способы его контроля, управления им. В то же время очевидная сложность

этой стадии заключается в ее завуалированной форме, необходимости наличия знаний и навыков декодировать сигналы, оповещающие о тревожном, критическом состоянии взаимоотношений. И именно этнофолизмы как таковые представляют собой один из индикаторов латентного конфликта. Посредством инвективного обращения в качестве наименования иной этнической группы фиксируется ее инаковость и чуждость, а в общественном сознании этнической общности, в которой используются эти этнофолизмы, закрепляется стереотипное восприятие категоризируемой группы с учетом всех предубеждений и генерализированного образа, которые отражены в этнофолизме. Важно понимать, что озвучивание субъектом экспрессивного вторичного этнонима может не классифицироваться и не осознаваться как оскорбительное, позиционироваться как шуточное и дружественное. Действительно важно учитывать степень экспрессивности, частоту и семантический контекст используемой этнически маркированной лексики в целом и этнофолизмов в частности. Но вместе с тем необходимо констатировать, что этнофолизм всегда будет являться оценочным, стереотипным наименованием, в котором выражаются элементы этнического фаворитизма по отношению к своей группе и интолерантности, проявляющейся в виде высокомерного или снисходительного отношения к другой этнической группе, а также неприятия или осуждения ее инаковости. Эта семантическая диверсификация в интерпретации сущности этнофолизмов обращает наше внимание на грани толерантного и интолерантного отношения в рамках межэтнического взаимодействия. Попустительское отношение, определяемое посредством интерпретации этнонима, не должно быть «закамуфлировано» под толерантную позицию. Мы сталкиваемся с тем, что под толерантностью может быть скрыто и безразличие, и снисходительное согласие, и молчаливое попустительство [6, с. 50]. Так грани толерантности размываются и формируется пространство для концептуальных и этических искажений в использовании этнофолизмов. В открытой или скрытой форме этнофолизм всегда отражает негативную коннотацию и деструктивную интенцию, на которую важно обращать внимание, так как она передает общее настроение социальных групп.

Особенно остро этот вопрос стоит в рамках интенсификации миграционного процесса. В условиях социокультурной и геополитической нестабильности миграция всегда выступает определенным вызовом, обнажает антиномичный характер толерантности, а также обостряет вопросы этнокультурного взаимодействия и идентичности в целом. В рамках миграционного процесса как раз экспрессивные этнонимы могут выступать индикатором критичности, недоверия и этнической напряженности в обществе. Выполняя номинативную функ-

цию, этнофолизм не только номинирует, но и закрепляет в общественном сознании искаженные и экспрессивные представления об отдельных этнофорах или этнической общности в целом. Не стоит забывать, что несмотря на свой вторичный нелегитимизированный статус, по сути, этнофолизмы являются лексическими единицами, а значит выполняют и другие соответствующие им функции. Одной из важных функций лексических единиц выступает эмотивная функция (выражение эмоционального отношения говорящего субъекта). Сам факт употребления человеком в речи этнофолизмов всегда является маркером стереотипного восприятия другого человека, а также принятия или неприятия на эмоциональном уровне его инаковости. Как лексическая единица этнофолизм выполняет прагматическую и дифференцирующую функции. Последняя функция ориентирована на фиксацию дихотомии своего и чужого, о чем говорилось выше. Прагматическая функция, в свою очередь, предполагает, что этнофолизм выступает инструментом воздействия на слушающего. При использовании этнофолизмов в речевой практике необходимо учитывать, что мы не просто даем наименование другой группе, а вкладываем свое представление о ней и желаем, чтобы оно было декодировано и «прочитано» соответственно, посредством этнофолизмов мы словно заявляем о своих негативных или позитивных установках по отношению к иной группе. Более того, важно понимать, что эмоциональный и когнитивный образы, лежащие в основу представлений об иной этнической группе, коррелируют друг с другом и могут оказывать взаимное воздействие: искаженные представления, предрассудки, внешнее социальное мифотворчество влияют на конструирование релевантного или тенденциозного образа другого человека.

Стоит отметить, что чаще всего дискурсивным пространством этнофолизмов выступает повседневная практика. В ней отражается индивидуально-личностная установка одной этнической группы по отношению к другой, характеризующаяся своей эмоциональностью, стереотипностью, неотрефлексированностью, но вместе с тем демонстрирующая этнофобскую настроенность. Однако опасность представляет не только повседневная, но и медийная практика использования этнофолизмов. Так как медийный дискурс транслирует общую социально-политическую установку своего времени, сам факт использования этнофолизмов в медийной практике предполагает постепенную легализацию и институционализацию негативной оценки другой общности, что, в свою очередь, явно свидетельствует о наличии нетерпимости между этническими общностями, их критическом и предконфликтном состоянии. Более того, стоит учитывать, что язык вражды перманентно пополняется за счет семантических вариаций и появления новых экспрессивных номинаций.

Этнофолизмы могут как быть ситуативными и оставаться окказионализмами, так и закрепляться в общественном сознании и речевой практике. Это обстоятельство связано с тем, что язык представляет собой открытую систему, отражающую культурные и геополитические трансформации, влияющие на социальное настроение и оценочные установки по отношению к другим субъектам взаимодействия. В связи с этим важно понимать, что этнофолизмы как таковые всего лишь маркируют особенности межэтнического взаимодействия, т. е. выступают следствием нетерпимости в обществе, а не являются причиной этой этнокультурной напряженности.

Безусловно, сегодня этнофолизмы находятся не только в морально-этическом, но и правовом поле регулирования. Еще в XIX в. в русском уголовном праве в перечень нецензурных слов входили «неприличное название других национальностей (еврея – жидом, немца – немчурой, француза – французешкой)»¹. Сегодня ответственность за агрессивное и тенденциозное обращение к представителям другой нации или расы отражено в Уголовном кодексе Республики Беларусь². Однако повседневная общественная риторика, а также интернет-пространство не всегда от-

личается рафинированностью. Грани толерантности размыты, и использование этнически маркированной лексики, экспрессивных этнонимов встречается чаще, чем можно себе представить. О чем это говорит? Конечно, о высоком уровне нетерпимости, существовании интолерантных установок в обществе, а также о низком уровне культурной грамотности и критичного отношения к инаковости. В связи с этим этнофолизмы и представляют собой индикатор этнокультурной напряженности, невежества общества в целом и наличие этнофобии в нем. Этнофолизмы выступают завуалированным маркером этно- и ксенофобного дискурса. Страх и неприятие могут выражаться открыто или косвенно, осознанно или непредумышленно, с явной или скрытой агрессией, но при этом этнофолизмы всегда полны стереотипных представлений и предрассудков, сходны по своей резистентности к изменениям и генерализированному характеру. И вне зависимости от мотиваций использования и природы своего возникновения, этнофолизмы всегда символизируют собой язык вражды, который не допустимо легитимизировать и нормализовывать ни в институциональном пространстве, ни в рамках повседневной практики.

Библиографические ссылки

1. Roback AA. *A dictionary of international slurs (ethnophaulisms). With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice.* Cambridge: Sci-art publishers; 1944. 394 p.
2. Тонтоева ТВ. Этнофолизмы как индикаторы динамики этнической идентичности. *Juvenis scientia.* 2016;2:97–100. EDN: VTZZSL.
3. Понарин Э, Дубровский Д, Толкачева А, Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы. В: Верховский А, составитель. *Язык вражды против общества.* Москва: Сова; 2007. с. 72–106.
4. Алефиренко НФ, Чумак-Жунь ИИ. Аксиологические коннотации славянских этнонимов. *Русин.* 2023;72:178–195. EDN: ITRIFK.
5. Курбачёва ОВ. Проблема этнических конфликтов в условиях глобальной нестабильности. *Век глобализации.* 2018;4:114–124. EDN: YXBJSN.
6. Лекторский ВА. О толерантности, плюрализме и критицизме. *Вопросы философии.* 1997;11:46–54. EDN: SHNSAX.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2025.
Received by editorial board 11.02.2025.

¹Грачёв М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза : учебник. М. : Флинта, 2016. С. 33.

²Уголовный кодекс Республики Беларусь № 275-3 от 9 июля 1999 г. : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: : 31.01.2025).